

ЭЛЬ-АЛАМЕЙНСКОЕ СРАЖЕНИЕ ГЛАЗАМИ СОЮЗНИКОВ

*23 октября – 4 ноября 1942 в Североафриканской пустыне развернулось ожесточенное Эль-Аламейнское сражение между 8-й Армией британцев, которой командовал Бернард Монтгомери, и немецко-итальянскими войсками – *Panzerarmee*. Последние потерпели сокрушительное поражение. Об этом сражении написано множество книг и статей, в том числе, на русском языке, сняты фильмы. Посмотрим на это сражение глазами противников антигитлеровской коалиции – немцев и итальянцев.*

Общая картина и хроника сражения

В ночь с 23-го на 24-е октября, после интенсивной артподготовки, 30-й Корпус британцев атаковал противника силами четырех дивизий по двум коридорам, расчищенным в минных полях. Эта атака осуществлялась в довольно узком секторе фронта протяженностью в 6-7 миль, северный фланг которого упирался в высоты Телль эль Эйса/Tell el Eisa, южный – в гряды Митейрия/Miteiriya. Помимо основной атаки 30-го Корпуса, бригада из состава 9-й Дивизии австралийцев осуществляла отвлекающую атаку между высотами Телль эль Эйса и морем. Эта атака, вместе с ложным десантом с моря, должна была иметь беспокоящий эффект в то время, как южнее 4-я Дивизия индийцев наносила сильный удар из района гряды Рувейсат/Ruweisat. Позднее, в 2 часа ночи 24 октября, передовые элементы 1-й и 10-й бронетанковых дивизий двинулись вперед со своих стартовых позиций.

Первоначальный прогресс в наступлении был существенным, но к утру 24-го танки все еще не смогли продвинуться за полосу минных полей противника. Ночью на участке гряды Митейрия развернулся ожесточенный бой, так как, придя в себя после первоначальной атаки, немецко-итальянские части сконцентрировали артиллерийский и минометный огонь на коридорах в минных полях, а 15-я Танковая Дивизия немцев осуществила контратаку. Части *Свободной Франции* атаковали высоты Химеймат/Himeimat, но вязкий песчаный грунт не дал возможности их силам огневой поддержки вовремя прийти на помощь, в результате чего немцы отбросили их в ходе контратаки. Другая атака 13-го Корпуса после первоначального успеха была остановлена противником между поясами мин. День 24 октября в этом секторе, таким образом, ушел у британцев на противопехотные бои. Они остались второстепенными по отношению к боям в основном секторе прорыва 30-го Корпуса, где несмотря на небольшие затруднения главная цель была достигнута, поскольку 21-я Танковая Дивизия немцев так и осталась в южном секторе фронта.

Наступила неделя ожесточенных боев. К вечеру 24-го 1-я Танковая Дивизия британцев сумела немного продвинуться за пределы минных полей, но 10-я Танковая Дивизия не смогла этого добиться и попала в весьма затруднительное положение. Атака, которую она предприняла в 22:00 этого дня при поддержке корпусной артиллерии, не принесла ощутимого продвижения вперед.

Ближе к 2 часам ночи 25 октября стало очевидно, что ситуация в коридоре в районе гряды Митейрия, остается неудовлетворительной. В расчищенном проходе образовались значительные пробки, потери от артиллерийского и минометного огня противника были ощутимыми. На этом критически важном участке командир Новозеландской Дивизии генерал Фрейберг (Bernard Freyberg), как обычно находившийся в центре событий, лично руководил действиями своих людей из своего танка.

К 8 утра 25 октября в штаб Монтгомери пришло сообщение о том, что передовая танковая бригада 10-й Дивизии продвинулась за тыловую границу полосы минных полей на 2 000 ярдов и вступила в соприкосновение с 1-й Танковой Дивизией, продвигающейся севернее. В дополнение к этому Новозеландская Дивизия и 8-я Танковая Бригада прошли полосу основных минных полей и начали продвигаться на юго-запад в соответствии с планом. Они

привлекли на себя несколько контратак со стороны 15-й Танковой Дивизии немцев, которые были отбиты с тяжелыми потерями для противника.

К полудню 25-го Монтгомери понял, что направленные на уничтожение пехоты противника атаки новозеландцев обходятся слишком дорогой ценой, и решил переместить ось наступления на север, приказав австралийцам уничтожить силы немцев, дислоцированные в образовавшемся выступе. 1-я Танковая Дивизия получила приказ пробивать себе путь на запад с целью поставить под угрозу пути снабжения противника и тылы противника в приморском выступе. Однако танкисты в ходе этой атаки достигли заметного прогресса только к ночи с 26-го на 27-е октября. Атака австралийцев развивалась успешно: они продвинулись вперед, нанеся тяжелые потери противнику. На этом участке имели место наиболее яростные и ожесточенные бои в ходе всего сражения в целом, которые внесли весомый вклад в окончательную победу.

26-го новозеландцы и южноафриканская 1-я Дивизия медленно продвигались вперед, и британское командование приняло решение провести перегруппировку. 30-му Корпусу была нужна пауза, и, хотя его части пробивались через основные минные поля, противник по-прежнему удерживал свои оборонительные линии. Перегруппировка высвободила резервы, необходимые на решающей стадии сражения. Новозеландцы были отведены от передовой на отдых, их место заняли перемещенные севернее 1-я Дивизия южноафриканцев и 4-я Дивизия индийцев.

27 октября в 12:00 Монтгомери созвал совещание, на котором разъяснил свой план перегруппировки войск и свои намерения по продолжению атак силами австралийцев. 13-й Корпус получил приказ полностью подготовить 7-ю Танковую Дивизию и другие части к переброске в северный сектор фронта, поскольку туда в ночь с 26 на 27 октября переместилась 21-я Танковая Дивизия немцев. Утром британцы сумели с помощью радиопеленгатора определить расположение штаба этой немецкой дивизии.

Большую часть дня две немецкие танковые дивизии атаковали позиции британцев, 1-я Танковая Дивизия, отбивая эти атаки, заявила об уничтожении 50 вражеских машин. В дополнении к этому Королевские ВВС отбомбились по врагу в моменты его подготовки к атакам, нанеся ему ощутимые потери. Далее Монтгомери решил, что 1-я Танковая Дивизия нуждается в отдыхе, и отвел ее в резерв. Ее сектор фронта перешел к обороне силами пехотных бригад, переброшенных сюда из состава 13-го Корпуса.

В ночь с 28-го на 29-е австралийцы вновь атаковали противника и вклинились в его позиции, почти достигнув дороги между участком Сиди Абд эль Рахман/Sidi Abd El Rahman и высотами Телль эль Эйса. Хотя 29-го противник сделал все возможное, чтобы уничтожить этот клин, его атаки силами танков и пехоты потерпели неудачу.

29 октября британцы осуществляли подготовительные мероприятия к прорыву, который получил кодовое название *Суператака/Supercharge*. Командующий 8-й Армией намеревался осуществить эту атаку как можно дальше к северу, но некоторые из штабных офицеров чувствовали, что лучший результат может быть достигнут, если ось атаки пройдет южнее: чем дальше на север, тем больше было немцев, мин и [хорошо] подготовленных оборонительных позиций.

Выяснилось, что немецкая 90-я Легкопехотная Дивизия переместилась в северный сектор фронта, вне всякого сомнения, из-за успешных действий 9-й Дивизии австралийцев. Стало очевидно, что фронт войск Оси далее к югу ослаблен. Монтгомери быстро увидел, что текущая ситуация дает отличный шанс атаковать там, где противник слабее всего, - там, где большинство обороняющихся представлены итальянцами, или на стыке частей союзников по Оси, и незамедлительно изменил направление предстоящей атаки.

Австралийцы продолжили свои атаки в ночь с 30-го на 31-е, перерезали прибрежное шоссе, и в какой-то момент показалось, что основная часть сил немцев, расположенных в пределах выступа, будет отрезана и уничтожена. Однако последние сумели вырваться с помощью танковых подкреплений, но атаки австралийцев на севере очень помогли общему

делу, потому что связали силы противника в прибрежной полосе и, кроме того, нанесли ему большие потери.

1 ноября британцам стало известно о том, что 21-я Танковая Дивизия немцев переместилась еще дальше на север, то есть, все было готово к тому, чтобы наступила последняя фаза сражения. После 24-часовой задержки (отдых и перегруппировка войск) утром 2-го ноября началась *Суператака*, поддержанная продвигавшимся вперед огневым валом. Около 300 25-фунтовок и корпусная артиллерия средних калибров приняли в этом участие. Цели этой атаки были достигнуты, но 9-я Танковая Бригада понесла тяжелые потери. Затем на помощь ей пришла 1-я Танковая Дивизия, и произошел танковый бой.

3 ноября стало очевидно, что войска Оси потерпели поражение, поскольку по сообщениям воздушной разведки началось их отступление. Однако 3 ноября британцы все еще не вырвались на открытое пространство, так как противник продолжал удерживать бреши в своей обороне с помощью противотанковой артиллерии. В ночь с 3-го на 4-е полный прорыв был осуществлен силами 51-й Дивизии и индийской 4-й Дивизии.

Вспоминают и рассказывают солдаты и офицеры 8-й Армии

Перед сражением Монтгомери постоянно проводил время в войсках, беседовал с солдатами и даже угощал их сигаретами, хотя сам не курил. Британцы вспоминали, что он рассматривал боевой дух солдат как важнейший фактор на войне. «Стоя на капоте грузовика или джипа, когда люди собирались вокруг, он сухо говорил: «Отступлений больше не будет.»» Он напирал на необходимость постоянного удержания инициативы и призывал «убивать немцев – даже капелланов, по одному в рабочие дни и по два в воскресенье.» В своем обращении к войскам перед сражением он написал: «Битва, которая вот-вот начнется, станет одной из решающей в истории... И пусть ни один человек не сдастся врагу, если он не ранен и может драться дальше. Давайте помолимся всемогущему Богу, чтобы он даровал нам победу.»



Монтгомери беседует с солдатами и офицерами

23 октября

Брайт (Bright), танкист

Помню, что я стоял на переднем сидении моего танка, когда услышал пушечный выстрел, и уже в следующую минуту меня просто подняло с сидения грохотом тысячи пушек, одновременно открывших огонь и начавших сражение.

А.Ф. Флэтоу (A.F. Flatow), майор, 45-й Танковый Полк, 10-я Танковая Дивизия

В 22.00 это началось с дьявольским грохотом! Все небо на западе осветилось красными, голубыми, зелеными и белыми сполохами. Даже далеко от всего этого, там, где были

мы, земля немного тряслась ... С расстояния это звучало как сотни литавр. Это длилось несколько часов. Через час пришел приказ трогаться вперед, и мы пошли на этот шум!

Пехотинец Полка Сифортских Горцев/Seaforth Highlanders (51-я Дивизия)

Шум стоял невообразимый... Небо выло... Пехотинец словно муха в барабане... Грохот то усиливается, то ослабевает, он оглушает и отключает мозг.

Джоу Мейдли (Joseph Madeley, 1920-2016) австралиец, 9-я Дивизия



Артподготовка началась без двадцати десять. Никто из нас до этого не видел ничего подобного. Даже представить себе было трудно, что кто-то из джерри (распространенная у британцев кличка немцев – ВК) уцелеет. Над головой летят снаряды, в небе осветительные ракеты – когда мы пошли в атаку сразу после 10, мы думали, что это будет просто прогулка. Но поразительным было то, что они уже вскоре пришли в себя. Мы тогда потеряли некоторых своих ребят. Мы шли настолько вплотную за огненным валом, что

потеряли их еще до того, как вышли на стартовую линию...

Хэролд Харпер (Harold Harper), сержант-майор

Blimey! Мама дорогая! Начинается тяжелая работа... Один паренек куда-то пропал: он спрятался за пулеметом в стрелковой ячейке. Ну, я вытащил его оттуда за шиворот... Пригрозил ему расстрелом, если он не будет готов к бою. Мне нужно действовать жестко, потому что, если кто-то будет делать так уже в бою, это становится заразным. Я бы и пристрелил его, если бы понадобилось... Он снова встал за пулемет, но он никогда больше не был таким, как раньше.»

В первой линии атакующих шли волынщики.

Чарлз Миллер (Charles Miller), волынщик, Полк Арджиллцев и Сазерлендских Горцев/Argyll and Sutherland Highlanders (51-я Дивизия)

У нас был приказ идти вперед и не обращать внимания на раненых. Их составляли тем, кто шел сзади. Нужно было не показывать своим товарищам, что ты испуган... Волынщики имели большое значение для шотландского полка. Нам нужно было настроить ребят нужным образом. Среди волынщиков были немалые потери...

Джоу Мейдли

Слева от нас были Горцы из 51-го Полка (Highlanders), и я помню, как они шли вперед при свете дня, при этом играли их волынщики. Люди падали, но они шли вперед. Ничего подобного я никогда не видел: настоящие храбрецы. Когда слышишь волынки, хочется встать и идти за ними.

Пехоту сопровождали инженеры. Вспоминает австралийский сапер:

Приходилось сметать песок то там, тот здесь. Они были близко друг к другу (thick as thieves), эти мины, а между ними еще натянута проволока... Если ты наступал на детонатор мины Schu, было два взрыва. Первый подбрасывал мину в воздух, а второй разносил ее на уровне пояса, разбрасывая горизонтально сотни подшипниковых шариков. Я сочувствовал пехотинцам: им приходилось идти по минному полю и занимать оборонительные позиции, чтобы держать джерри на расстоянии, пока наши парни делали свое дело.

Один из новозеландцев написал после боев домой о том, что перед атакой в его взводе было 25 человек, к моменту первого приказа остановиться их осталось 12.

Джордж Гринфилд (George Greenfield), 132-я Бригада, 44-я Дивизия

Начало сражения, южный сектор

Помню врача – коренастого канадца русского происхождения по фамилии Шрагович (Israel Shragovitch, ?-1982), который крикнул мне, чтобы я помог ему. Осколок мины угодил одному парню в бедро и почти отсек ему ногу: она болталась на клочьях плоти. Доктор сказал мне крепко держать эту ногу, пока он ампутировал ее, чтобы потом наложить повязку. Когда эта операция закончилась, в результате чего жизнь человека была спасена, я остался сидеть на корточках, тупо держа эту ногу на своих коленках – на ней все еще был гольф...

Свободные Французы смело пошли в атаку на песчаный холм Химеймат/Himeimat, некоторые из них добрались до его вершины, но были сбиты оттуда быстрой вражеской контратакой...

В северном секторе

Ллойд Кросс, капитан, командир роты, 2-я Новозеландская Дивизия

Сначала мы были полностью оглушены грохотом артиллерии. Каждое орудие 8-й Армии открыло огонь... Новозеландская дивизия оказалась единственной из всех, достигшей своей цели в первую же ночь. Оззи (австралийцы - ВК) сделали потрясающий рывок вперед в следующую ночь, добравшись до своей цели, за ними последовали Горцы, потом южноафриканцы. До окончания артподготовки мы проходили 100 ярдов каждые 6 минут. Таким образом, 21-й Батальон прошел первые 100 ярдов, затем 22-й и 23-й прошли через их позиции и продолжили марш на гряды Митейрия. Парни из 23-го не рассчитывали выполнить свою задачу так быстро, но им это удалось. Они миновали нас, затем пару раз попали в зону огневого вала и понесли потери. В резерве был 28-й Батальон Маори, который тоже пошел в атаку. Наибольшее впечатление у меня оставил артобстрел. Орать приходилось так, что голова слетала с плеч. Испарялась роса, и вместе с дымом разрывающихся снарядов это создало смог. Трупный запах был повсюду...

... Ночью, на марше, мы были заняты тем, что пристально всматривались в темноту. Ждали пулеметных очередей, надеялись, что под ногами не окажется мины-лягушки. Наступишь на такую, она взорвется в трех футах над землей. Ее корпус был набит металлическими шариками – если ты находишься в радиусе 15 ярдов, тебя точно зацепит.

24 октября

Джоу Мейдли

Там были минные поля на многие мили, и о них никто толком ничего не знал. Когда началось сражение, многое расчистили, но потом наткнулись еще на одно с милю в ширину, и они [танки] не могли через него пробиться. Нам пришлось продолжить продвижение вперед, потому что мы шли за огневым валом, и было необходимо держаться за ним вплотную, чтобы не дать джерри высунуть головы и снова вступить в бой.

Думаю, я прожил три жизни за 24 часа. В первую ночь мы были без танковой поддержки, потому что танки не могли пройти через минные поля. Так что мы стали наступать с винтовками и примкнутыми штыками. К тому времени они [немцы] уже вели по нам ответный огонь. Повсюду были огневые трассы, было видно, как летят снаряды. Они освещали местность, и было видно, как они летят над пустыней. Ты думаешь о том, какой из них снесет тебе голову. Думаешь о каждом: «Ну вот, это мой.» Но когда продвигаешься вперед, ты должен спрятать эту мысль на задворках мозга, даже когда рядом с тобой зацепило твоего приятеля...

Гряда Митейрия/Miteiriya Ridge

Перед переходом в наступление настроение у британских танкистов было тревожное. Многие из них помнили жестокие бои 1941-1942 годов, сопровождающиеся тяжелейшими потерями. Вспоминает один из них:

Большинство из нас промерзли до костей и не чувствовали особенного прилива храбрости. Первое возбуждение сменилось пониманием того, что через несколько часов мы снова сцепимся с вражеской бронетехникой и что снова начнется побоище.

Фрэнсис Де Гуингэн (Francis Wilfred de Guingand, 1900-1979, бригадир, начальник разведотдела 8-й Армии): «Гряда Митейрия была довольно неприятным местом, там имели место самые ожесточенные бои.» Один из танкистов был более категоричен, описывая приближение танков к немецким позициям:

Неожиданно разверзся ад. В нашу сторону понеслись трассы всех видов огня и со всех сторон. Экипажи, ждавшие сзади в забитых техникой проходах через минные поля, видели, как трассы бронебойных снарядов устремились в направлении танков Эскадрона А, увидели взрывающиеся боевые машины, столбы пламени, охватывающие их и окрашивающие в тусклый вишнево-красный цвет раскаленные башни танков...

Капеллан, служивший в Королевском Восточно-Кентском Полку/Royal East Kent Regiment вспоминал свои ощущения:

Ужасающий грохот стреляющих пушек и разрывающихся снарядов, мрачные виды с покалеченными людьми и скрюченными трупами, тошнотворный запах серы и гниющей человеческой плоти, психологическое напряжение от бессонницы и ответственности, страх перед тем, что с тобой случится срыв на глазах у людей...

Вернон Скэннелл (Vernon Scannell), капрал, Полк Арджиллцев и Сазерлендских Горцев (51-я Дивизия)

Голоса тех, кто был тяжело ранен... Они несли страх и боль. Я помню, как один сержант, который казался мне почти отцом... был тяжело ранен, и слышать его голос, слышать, как он рыдал и звал свою мать, казалось мне унижительным, уничтожающим и ужасным.

Фрэнк Девэни (Frank Devaney), рядовой

Люди в бою меняются. Они звереют. Человек упал – все, с ним кончено. Ты убиваешь – тебе так положено. Все это давит, это ты или он, и это все. Ты только что застрелил или проткнул штыком человека напротив тебя. Этот человек не дает тебе выполнить задачу. Ты разрешил ему выжить, а кто-то в стороне от него собрался отнять у тебя жизнь. Другими словами, ты не мог дать кому-то выжить. Ты должен был убивать. И потом, было темно. Он не просто парень, встающий в полный рост, выпрыгивая из окопа с криком Kamehad! (так обычно кричали немцы, сдаваясь – ВК) или что-то еще. Ты не можешь остановиться, чтобы подумать, потому что чем быстрее ты избавишься от него, тем лучше. У него мог быть и револьвер в руке, или что-то еще, – темно ведь. Ты просто видишь фигуру человека. Для тебя силуэт – это враг, которого нужно уничтожить. Там нет места раздумьям...

После первой атаки

25 октября



На севере австралийцы и *Горцы* продолжали атаковать позиции *Оси*, нередко вступая в штыковой и даже рукопашный бой. **Капитан Горцев Хью Сэмвелл (Hugh Samwell, 08.07.1911-13.01.1945, погиб в Бельгии)** захватил оборонительную позицию итальянцев, при этом было взято несколько пленных, и здесь сказанное Фрэнком Девэни нашло подтверждение. Сэмвелл стоял на месте недавнего боя, когда до него донесся крик: «Берегись!» Прямо у него под ногами что-то разорвалось, и капитан, каким-то чудом избежавший ранений, огляделся и увидел своего сержанта, который лежал на спине и стонал: его нога была изуродована. Оказалось, что один из итальянцев, только что выбравшийся из окопа и сдавшийся в плен, бросил в Сэмвелла и его людей гранату. О случившемся после этого рассказывает сам британский офицер:

Совершенно неподконтрольный [разуму] гнев нахлынул на меня. Я обругал итальянца, которые теперь сжался в углу окопа, потом выстрелил в упор – раз, второй, третий, после чего раздался щелчок! Я забыл перезарядить оружие. Отшвырнул подальше свой пистолет и схватил винтовку – думаю, винтовку сержанта, - и прыгнул вниз. Полагаю, еще двое солдат противника лежали на земле, на дне квадратной траншеи. Я заколол их штыком, а потом выбрался наверх...

На поле боя часто царила неразбериха, британские части нередко блуждали в лабиринтах минных полей, и дружественный огонь не был редкостью.

Ллойд Кросс

У немцев оборона всегда была в несколько эшелонов. Ты никогда не знал, где у них передовая. У них мог быть укрепленный пункт, затем еще одна, потом еще одна. Ты можешь зачистить передовую линию и понадеяться на то, что дело сделано, но нет – дальше будут еще оборонительные полосы. Было у немцев слабое место: их пулеметы выпускали 1 трассирующий патрон из 10, и это давало возможность точно определить, где находится огневая точка. Исходя из этого, мы заводили половину отделения им за спину и отстреливали пулеметчиков. У немцев в этом плане ничего не изменилось вплоть до конца войны.

Джон Лонгстафф (John Longstaff), сержант

Я думал, в тот вечер мы ляжем все (we'd have our chips). Я думаю, это был единственный для меня момент, когда я действительно чувствовал, что меня убьют... Думаю, это был настоящий провал (balls-up). Они (командование – ВК) решили, что Королевская артиллерия и орудия поддержки осуществят огневой налет на нашем левом и правом флангах ... но мы пошли в атаку в полной тишине. Идем, и тут случилась еще одна мерзопакостная неприятность. Был дан приказ одному из наших взводов атаковать пулеметное гнездо. Они атаковали его, но это оказался наш пулемет! Половина моего долбаного взвода была убита в одном долбаном бою моими же товарищами...

Джоу Мейдли

Иногда нам приходилось атаковать в том направлении, откуда мы пришли, или так казалось... Нас остановила пулеметная точка немцев. Парни, которые были перед нами, и старина Том Данкен (Thom Duncan), который стал капралом в один день со мной, вели огонь, и у него стали подходить к концу патроны. Джеки Лоу (Jacky Lowe) тащил боеприпасы, и я сказал ему: «Джеки, беги к Томми, у него патроны кончаются.» Он поднялся, и тут его прошило. Бедный парень лежал и рыдая, звал маму, когда я подобрался к нему, чтобы вынести его... Я заорал, чтобы подошли санитары с носилками, потому что не имел права останавливаться. Тут наш лейтенант поднялся, чтобы отдать приказ, но в него попали, и он свалился. После этого зацепило командира роты, и он начал кататься по земле – парни падали там и тут, везде...



Слева – британцы залегли в ходе продвижения вперед, впереди левее – горящие немецкие машины. В африканской пустыне солдаты обычно не окапывались, а обкладывали себя камнями. Справа - немцы сдаются в плен австралийцам

Все это было за пределами того, что можно было себе представить. Потом появился вестовой и сказал: «Быстренько, мы отходим назад на позицию, которую занимали ярдах в двухстах отсюда, там мы перегруппируемся.» Мы ... снова пошли вперед, и тут увидели джерри, которые бежали нам навстречу с поднятыми руками. Помню, много их было, пытавшихся спасти свои жизни. Кит Боулз (Keith Bowls) был рядом со мной, и он сказал: «Вот как должно быть. Вот как нужно воевать – гляди-ка на них: бегут, долбаные черти.»

Потом они контратаковали еще раз, но все кончилось для нас хорошо: уже подошли наши танки. Потом один из них наскочил на мину и загорелся... Наши силуэты стали хорошо видны. Танк повернул назад и въехал в нашу линию, такое случается. Не знаешь, какого черта они это сделали и для чего! Джерри стреляли по нам, всюду были видны трассы очередей. Мы лежали на земле, и они выбивали нас одного за другим. Я уже думал, что буду следующим, но пытался отстреливаться.

26-27 октября

Майор Флэтоу

Воспоминания майора Флэтоу дают возможность понять, что первая неделя наступления была не слишком успешной для 8-й Армии. Уже на второй день боев многие танкисты «валились с ног от усталости.» Флэтоу и другим танкистам приказали принять по полторы таблетки *амфетамина*, и они почувствовали себя «превосходно, готовыми к бою и ко всему остальному.» Однако уже после второй и третьей дозы у людей начинались галлюцинации. Флэтоу: «Я постоянно видел то, чего не существовало.» Это превращалось в [навязчивые] образы, которые он не хотел видеть. «Никогда не забуду эту картину с [солдатом] *Горцем*, лежавшем на спине с ногами, оторванными по колено.» Его мучили воспоминания о том, как погиб его товарищ Норман Раунс (Norman Rounce). Он выбрался с другим танкистом из пылающей машины, сильно обгорел и умер в госпитале... Бензедрин вызывал головокружения и замедлял реакцию. Флэтоу вспоминал, что Эллан Даггин (Allan Duggin), продвигаясь вперед на своем танке, «потратил 10 минут на то, чтобы разбудить человека, лежавшего на его пути, прежде чем он понял, что тот мертв.»

Флэтоу заметил, что танкисты 45-го Полка через три дня боев были уже сильно измотаны.

Иногда я прохаживался и стал натекать на командиров экипажей, которые засыпали, стоя в башнях танков... Боже, до чего они были утомлены. Подполковник Паркс (Parkes) из 47-го Полка, с которым я поговорил, казался обеспокоенным и сильно взволнованным,

и в то утро у него случился [нервный] срыв. Его отвезли на перевязочный пункт, где он был убит разрывом авиабомбы, попавшей в окоп... Обыватель не имеет понятия о том, насколько изматывающей может быть жизнь танкиста., особенно для командира, который постоянно стоит или все время выпрыгивает и запрыгивает обратно. Под конец сражения можно было видеть, как болтает командира танка, когда он пытается забраться на танк и ему помогают залезть в башню, определенно, это происходило со мной...

Первым в его батальоне был убит капрал Блэквелл (Blackwell). Он встал в полный рост, вскипятит котелок воды для чая возле своего танка, и был убит болванкой, срикошетившей под непредсказуемым углом от земли и оторвавшей ему ногу.

Нас это немного встряхнуло, потому что мы стали как-то презрительно относиться к этим артобстрелам и к тому моменту сталкивались лишь с небольшими потерями от них.

28-29 октября

В ожесточенных боях с контратакующим противником боевой дух британских танкистов пошатнулся.

Майор Флэтоу

Случилось так, что у нас у всех стиснуло кишки и пересохло во рту. Несколько Шерманов появились в поле зрения из-за гряды напротив нас, некоторые сдавали назад, некоторые повернули в нашу сторону, некоторые горели – это были танки из 41-го и 47-го батальонов, и они отступали. Некоторые остались с нами, другие прошли через наш строй и исчезли...



Сгоревший Шерман. Эль Аламейн

Этот отход был вызван точным огнем немецких [88-миллиметровок](#). Один из танкистов сказал другому по радио, что услышали все: «Я не знаю, за что мы тут бьемся.» «Эфир был наполнен руганью, и, поверьте мне, это крайне плохо влияло на боевой настрой,» – вспоминал Флэтоу. Он выключил радио, чтобы его собственные товарищи по экипажу не слышали этого. – «У них и так нервы были расшатаны.» Все ждали атаки немецких танков.

«Я, правда, чувствовал, что настает конец. Это было какое-то особенное чувство, и я не хочу пережить его снова.»

Ночь с 27 на 28 октября

Товарищи Флэтоу по экипажу были настолько измотаны, что уснули на земле и с большим трудом пробудились. Сам он не мог уснуть из-за ранее принятого *бензедрина*. «лунный свет, пустыня, гряды – все вокруг крутилось и вертелось, - вспоминал Флэтоу. – Я не имел никакого представления, где я и в каком направлении двигаться дальше.»

Положение выглядело для танкистов удручающим, и они были разочарованы действиями командования. «К этому моменту генералы не проявили себя с лучшей стороны: танковые полки бросали в атаку без рекогносцировки на позиции хорошо закрепившегося, вооруженного противотанковыми средствами противника, - вспоминал Флэтоу, - и, похоже, все это должно было случиться снова.» 28-го от двух танковых полков мало что осталось.»

В то же время в первых танковых боях сражения у британских танкистов появилось чувство уверенности в своей технике и в своих силах.

Энтони Уингфилд (Anthony Wingfield, 1908-1996), майор, 10-й Полк Королевских Гусар, 1-я Танковая Дивизия



Несколько немецких танков появились напротив нас и остановились на расстоянии около 3 000 ярдов. Я заметил, по меньшей мере, одну из модернизированных машин Pz.IV с длинной 75-мм пушкой среди них. В этот момент ... наши новые Шерманы продемонстрировали, на что они способны. Когда немецкие танки двинулись вперед, эскадроны А и С начали поражать их, и несколько немецких машин загорелись. Это и правда подняло наш боевой дух, и я почувствовал, что немцы были удивлены, поскольку повернули на север..., оставив несколько уничтоженных машин позади.

26-28 октября - на гряде Кидни/Kidney Ridge – пункт обороны Snipe

Наиболее ожесточенные бои развернулись вокруг позиции, которую британцы называли *Snipe* (1.5 мили к юго-западу от гряды Кидни). Здесь танкисты *Оси* сконцентрировали свои контратаки. Оборонял позицию 2-й Батальон Стрелковой Бригады, пехотного подразделения 1-й Танковой Дивизии. Он был оснащен 33 легкими бронетранспортерами (Bren carriers), включал в себя пулеметные и минометный взвод. В него входила рота противотанковой артиллерии с 16 шестифунтовыми пушками и всего 90 пехотинцев...

Майор Том Бёрд (Tom Bird, 1919-2017), командир роты противотанковой артиллерии Стрелковой Бригады/Rifle Brigade

27 октября

... Весь день мы были под огнем со нашей стороны. Мы были в 2 000 ярдов впереди всех, там, где, как наши предполагали, не может быть своих. В дополнение к этому, ночью наши танки пытались пройти через наши позиции, но были подбиты. Ведя наблюдение сквозь дымку с большого расстояния, артиллеристы могли разглядеть разве что джипы и несколько вражеских танков, так что они решили, что тут находится противник. Был момент, когда мы оказались под и правда очень сильным огнем со стороны наших, и наш офицер разведки Джекки Винтур (Jackie Wintour) запрыгнул в свой

джип и помчался прямо к ним. Он подъехал, заставил передовые танки прекратить огонь, но остальные так и продолжали пальбу...

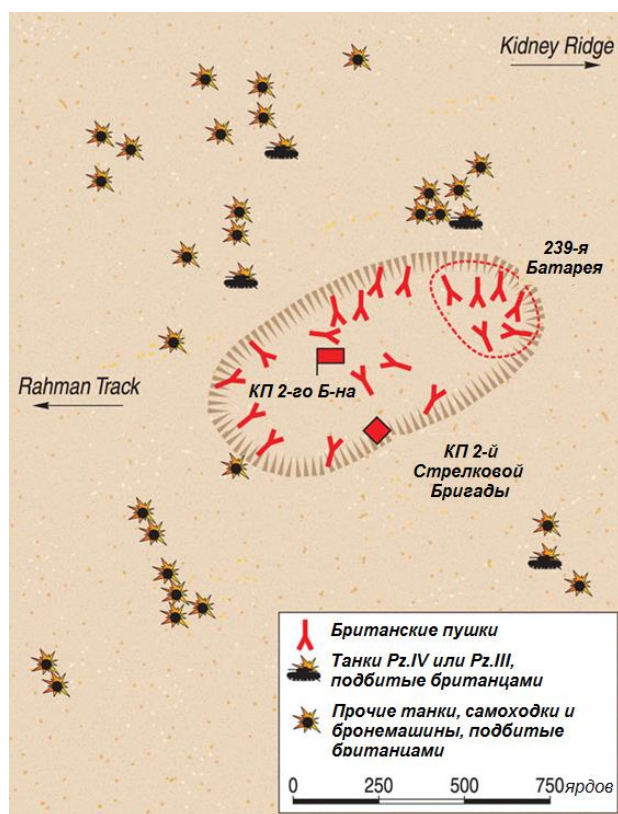


Схема позиции Snipe. Перед первой атакой танков Оси полковник, командир батальона Вик Тёрнер (Victor Turner, 1900-1972) сказал своим людям, что это будет бой «до последнего снаряда и до последнего человека. Командир 239-й Батареи лейтенант Элан Бэр (Alan Baer) от своих командиров услышал следующее: «Вполне вероятно, что вас ждет или смерть, или слава.»

Наиболее запомнившийся момент, – это когда нас атаковали девять итальянских танков, но только одна из пушек могла вести огонь (танки были только в ее секторе огня – ВК). В ее расчете были полковник Вик Тёрнер, командир взвода Джек Томс (Jack Toms) и сержант Чарлз Каллистэн (Charles Callistan). Они подбили шесть танков, но потом у них кончились снаряды. Джек Томс запрыгнул в джип и поехал к другим расчетам. Танки, которые все еще продолжали атаковать, стреляли, да и все остальные тоже палили по нам, так что он вел джип сквозь сильный огонь. Потом он загрузил боеприпасы с позиции одной из пушек и поехал назад, но по пути в его джип был подбит и загорелся. Однако он сумел добраться до нужной пушки, вместе с полковником и капралом Фрэнсисом (Francis) они разгрузили боеприпасы, - при этом джип мог взлететь на воздух в любой момент. После этого Каллистэн подбил остальные танки, а Вик Тёрнер был ранен в голову в этом бою.

Чарлз Каллистэн изложил немного другую версию событий...

Я произвел выстрел со 150 ярдов. С такого расстояния не промахнешься. Все наши пушки, казалось, вели стрельбу одновременно. Танк, по которому выстрелил я, охватило пламя, но он проехал еще 50 ярдов, прежде чем остановился. Неожиданно ночную тьму осветили горящие танки.



Том Бёрд (посередине с повязкой на голове) и его боевые товарищи после боя. Эль-Аламейн

Том Бёрд

Меня ранило в затылок, но голова осталась ясной... Я и Вик Тёрнер были в той или иной степени выведены из строя. Тем временем два немецких танка приблизились примерно на 100 ярдов. По ним могла вести огонь только одна пушка, но расчет засел в окопе немного в стороне и не мог добраться до нее, потому что стоило им шелохнуться, как по ним выпускали длинную пулеметную очередь. Взводный сержант Суонн (Swann) сумел подползти к пушке по мертвой полосе. Танки были так близко, что один [после попадания в него] просто взорвался. Помню, как все закричали от радости...

В этом бою было подбито 16 танков противника. Когда танкисты, выбравшиеся из горящих машин, пытались бежать, они были скошены огнем *Виккерсов*... Позиции британцев были под сильным огнем артиллерии и танков *Оси*. Вспоминает стрелок Кримп (Crimp): *«Снаряды падали с воем в непрерывной последовательности, здесь и там раздавались взрывы. Несколько раз мою каску прихлопывало к голове ударной волной от ближайшего из них. Один раз мои легкие просто забило потоком песка... Все лежали, не шелохнувшись. Ты ничего сделать не можешь – что будет, то будет. Если снаряд упадет в окоп, что ж, никто об этом не узнает...*

В ходе последующих контратак противника британские артиллеристы нанесли танкистам *Оси* тяжелейшие потери, но в конце для 28-го оставили свои позиции, забрав с собой последнюю целую 6-тифунтовку. После этого барьером на пути немецко-итальянской бронетехники стал огонь полевой артиллерии. За мужество и умелое командование в обороне пункта *Snipe* полковник Тёрнер был награжден *Крестом Виктории/Victoria Cross*, к высшей награде был представлен и Чарлз Каллистэн, но получил *Медаль за Отличие в Службе/Distinguished Service Medal*. Он погибнет в Италии 30 июля 1944 года. Майор Бёрд был награжден *Орденом за Отличие в Службе/Distinguished Service Order*.

29-30 октября

Джоу Мейдли

В последние дни октября австралийцы прорвались к приморскому шоссе, создав угрозу для всей немецко-итальянской группировки. Им удалось отбить несколько ожесточенных контратак под сильным артогнем, но 1 ноября противник закрыл брешь в своих позициях...

Мы атаковали противника 29-го или 30-го и взяли его позиции сравнительно легко, хотя потеряли двоих или троих парней. Мы остановились там, откуда джерри отступили, и, само собой, они знали, где эти позиции находились. Поэтому они засыпали нас артиллерийскими снарядами, плюс к тому там была куча мин-ловушек. Там у нас было много пострадавших.

Благодаря австралийцам командование противника осталось уверенным в том, что дальнейшие атаки британцев следует ожидать именно на севере, что решило судьбу сражения.

Операция *Supercharge*

В 01.05 2 ноября, под прикрытием огня 360 орудий, британцы возобновили атаки. Первоначально в наступление пошли две пехотные бригады вслед за огненным валом.

На южном фланге после недельного ожидания в атаку пошла 132-я Бригада и Свободные Французы.

Джордж Гринфилд

Французы на целом эскадроне [легких] бронетранспортеров пошли вперед по краю минного поля шеренгой с интервалом между машинами около 10 ярдов. [Казалось], можно было не беспокоиться, поскольку пространство было разминировано. Их командир дунул в свисток, и вся группа въехала на минное поле. Раздались взрывы, и бронетранспортеры один за другим взлетели на воздух: некоторые пройдя несколько ярдов, некоторые проехав до 50 и больше... Это было восхитительно и бесполезно – подходящая эпитафия славной битве...

Рой Кук (Roy Cooke), 5-й Батальон Полка Сифортских Горцев (51-я Дивизия)

Насколько было видно глазу, слева и справа от нас, люди продвигались вперед с винтовками в положении на руку, штыки при этом поблескивали под бледным светом луны. Мы шли, и, безо всякого сомнения, ощущали гордость и были в возбужденном состоянии. Мы не осознавали опасность и не думали о ней, мы просто делали свою работу и были далеки от мысли о том, что тебя могут ранить или убить... Впереди нас были видны красноватые разрывы, и пули, трассирующие и обычные, летели в нашу сторону. Я помню, что видел, как люди падали на землю, но приказ был идти вперед и не останавливаться, чтобы побеспокоиться о раненых или умирающих...

Уильям Уотсон (William Watson), полковник, командир 6-го Батальона Полка Дерхемской Легкой Пехоты/Durham Light Infantry (50-я Дивизия)

25-фунтовые снаряды, проносясь над твоей головой..., издают звук, похожий на удар кнута. Сначала наши нервы были в напряжении, но потом все стало похоже на песню. Снаряды неслись где-то сверху и разрывались впереди нас...

Британцы шли вперед сквозь ядовитый дым, и навстречу им стали выходить люди с поднятыми вверх руками.

*Я раскопал в памяти свои школьные знания немецкого, говоря им, куда идти. Итальянцы были испуганы и продолжали орать *Madre! Мама!*. Ночь была очень холодная, на нас были только наши KD (*Khaki Drill*) рубахи и шорты, однако мы все сильно вспотели...*

Однако далеко не все немцы и итальянцы собирались бежать в тыл или сдаваться в плен, и советы рядового Фрэнка Девэни вновь обретали смысл...

В нашем стремлении пробиваться дальше мы, должно быть, проходили мимо притаившихся вражеских солдат, и кто-то из таких убил моего полкового сержанта-майора и санитаря, который пытался помочь ему, а также сержанта Фэйрли (Fairlie),

который играл в батальонной крикетной команде, и юного 2-го лейтенанта Виккерса (Vickers), который лишь недавно присоединился к нам. Это были тяжелые удары для нас.

К рассвету британцы вышли к передовой войск *Оси*. Британской пехоте предстояло закрепиться на плацдарме, с которого планировалось продолжить атаку силами 9-й Танковой Бригады с дальнейшим прорывом линии обороны врага. Однако наличие большого количества глыб на песчаной поверхности затруднило продвижение танков. Пока пехотинцы отчаянно пытались окопаться, артиллерия *Оси* открыла по ним интенсивный огонь. Один из младших офицеров вспоминал: «Следующие пять часов моя группа просто лежала, прижавшись к земле, пока на нас падали снаряды. Их пушки были отлично пристреляны. Все это время мы старались зарыться в землю. Это была наихудшая ситуация из всех, в которых нам пришлось побывать. Снаряды падали непрерывно ярдах в двенадцати от нас, а некоторые не дальше чем в четырех футах.»

Однако пехота удержалась на плацдарме...

Командовавший силами британцев в этом секторе новозеландский [генерал Фрейберг](#) (Bernard Freyberg, в преддверии танковой атаки, сказал: «Мы все знаем, что для бронетехники атака на стену из артиллерии звучит как новая [Балаклава](#), - это, однозначно, работа для пехоты. Но у нас больше нет пехоты в резерве, это должны сделать танки.» Командир бригады Джон Карри (John Currie) предупредил, что, вероятно, будет потеряно 50% танков, а на тот момент у него было 133 боевые машины. Монтгомери ответил: «Это должно быть сделано. Если нужно, я готов смириться с потерей 100% в людях и танках.»

Стоддарт (C. B. Stoddart), капитан 9-й Бригады

Я дал каждому из своих по глотку виски, и мы тронулись. Сначала очень медленно, в полусумерках. Ничего не происходило первые несколько минут, а потом разверзся ад ... Я был первым из всего полка, чью машину зацепило ...

Один из танкистов эскадрона *Крусейдеров/Crusader* рассказывал: «Здоровенные красные шары вылетали, казалось, прямо из песка и летели навстречу танкам. Некоторые летели мимо целей и прыгали по песку. Другие ударялись с тошнотворным лязгом о *Крусейдеры*, и их глухие разрывы вливались в какофонию, наполнявшую воздух.»

Вскоре в бой с британцами в дополнение к артиллерии вступили немецкие танкисты. Последовавшие события описывает рядовой Ноулз (Knowls): «*Шерманы* медленно выбивали, один за другим, и это было страшное зрелище. Если в танк попадал снаряд, его охватывало пламя. Я не видел, чтобы кому-то удавалось выбраться. Некоторые снаряды ricochetили от брони, и можно было разглядеть, как снаряд вертится в воздухе, издавая какой-то особенный звук... Я не мог ничего сделать – просто сидел и смотрел.» Капитан Иэн Инглиш (Ian English), командир роты *Дерхемцев*, был вне себя: «Это было шокирующим зрелищем... перед немцами были превосходные цели. На расстоянии в пределах двух или трех сотен ярдов от моей роты было подбито около 20 танков, и, кажется, мало кому из людей удалось выбраться...»

Один из старших офицеров 9-й Бригады вспоминал: «Насколько мог видеть глаз раскинулись следы произошедшего – танк за танком, сгоревший или разбитый, поднимающийся от них дым, смешивающийся с холодным туманом, пунцовые лучи, поднимающиеся над горизонтом на востоке и придающие всем предметам кровавый оттенок. Местами Карри мог разглядеть танки, несмотря ни на что ведущие огонь по расположенным где-то вдали танкам и артиллерийским позициям Африканского Корпуса. Он был рассержен, ему было горько.»

Лен Фрэнклин, танкист 9-й Танковой Бригады

Мы вступили в бой против вкопанных в грунт танков и противотанковых пушек, среди которых были те самые мерзкие 88-миллиметровки. Каждый танк теперь сражался в одиночку, и я был слишком занят, чтобы что-то замечать. Башня наполнялась едким дымом после каждого выброса гильзы, и нужно было заталкивать в затвор новый

снаряд. Первый вражеский снаряд, попавший в нас, сбил гусеницу, и из-за того, что мы лишились мобильности, наши шансы на выживание приблизились к нулю. Мы продолжали стрелять, зная, что наступит момент, когда мы поймем один из этого потока летящих кусков металла. Когда это случилось, слава богу, нам попали куда-то в кормовую часть. Через внутреннюю связь донесся голос механика-водителя, сообщившего, что мы горим. Не думаю, что я слышал приказ покинуть машину. Я пробился вверх, протискиваясь между ногами командира, и был уже на земле, когда он все еще пытался содрать с себя наушники! Когда я оглянулся, ну и зрелище я увидел. Там, должно быть, было более сотни танков на разной стадии горения, тогда как другие, оставшиеся невредимыми, все еще вели бой или эвакуировали раненых с поля боя. Наш водитель и второй водитель выбрались через запасной люк в днище корпуса, но, к сожалению, второго водителя залило высокооктановым бензином, и он ничего не видел. Не считая этого, весь экипаж был цел и невредим, но мы не знали толком, куда сваливать, чтобы оказаться в безопасности.

За час с небольшим 9-я Бригада потеряла 75 танков из 95, брошенных в атаку, из 400 членов экипажей 230 были убиты. Однако бригада нанесла бронетехнике *Оси* в этом секторе тяжелые потери. Последовавшие за этим атаки 2-й и 8-й танковых бригад также не принесли существенного продвижения вперед, но, когда в 11.00 остатки 15-й и 21-й танковых дивизий немцев и итальянской *Littorio* пошли в контратаку, их встретила стена противотанкового огня и дождь авиабомб, что привело к потере около 100 машин. Так временный тактический успех *Оси* сошел на нет.

Ожесточенные бомбардировки позиций немецко-итальянских войск наносили им такие потери, что Монтгомери даже высказался в том смысле, что «Они [BBC] выигрывают сражение за меня.» От воздействия артиллерии, танков и авиации британцев Роммель потерял к концу дня 2 ноября 117 танков, включая 77 немецких. В *Африканском Корпусе* оставалось всего 35 боевых машин...

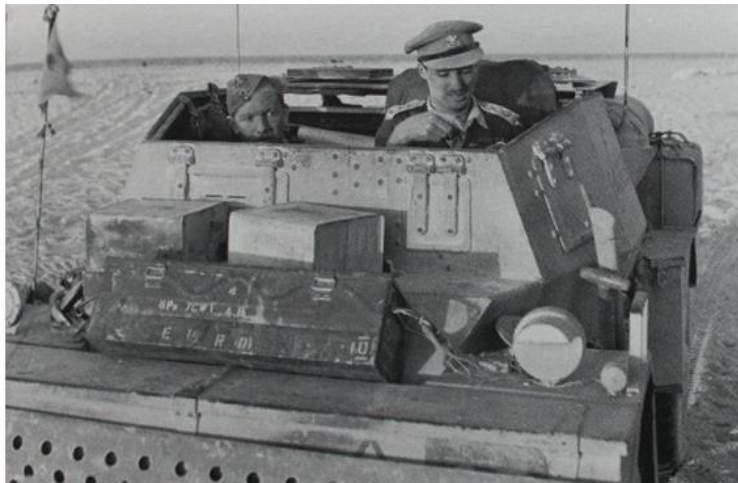
4 ноября попытка генерала фон Тома ([Ritter von Thoma](#)), командующего *Африканским Корпусом*, создать заслон из последних боеготовых машин и остатков боеспособной пехоты из состава немецкой 90-й Легкопехотной Дивизии и итальянских дивизий *Littorio* и *Trieste* провалилась: измотанным и разбитым частям *Оси* противостояло не менее 200 британских танков. В этот день попал в плен сам фон Тома.



Момент сдачи в плен генерала фон Тома. Художник Дэвид Шеперд (David Shepherd, 1931-2017)

Когда немецко-итальянские войска были, фактически, полностью разгромлены, генерал Байерляйн, штабной офицер Роммеля, запрыгнул в свою машину и поспешил к передовой, где нашел фон Тома стоявшим рядом с одним из горящих танков. Он попытался подъехать поближе, но попал под пулеметный огонь и приказал водителю срочно поворачивать назад. Примерно в этот момент к месту событий приблизился на своей разведывательной машине

Грант Сингер (Grant Singer, 1915-1942), капитан 10-го Полка Королевских Гусар/10th Royal Hussars, пленивший генерала. Он успел рассказать, что увидел «заметного парня, который был сам по себе и появился из облака пыли. Он был в полевой форме и с военным снаряжением и не выглядел, как британский офицер верхнего эшелона.» Фон Тома отдал Сингеру свой пистолет, и оба офицера пожали друг другу руки... К сожалению, Сингер и его водитель погибли в тот же день, 4 ноября 1942 года, после прямого попадания 88-мм снаряда в их машину...



Слева – капитан Ричард Кин (Richard Keane, умер в 2011 году в возрасте 101 года), танк которого подбил боевую машину фон Тома. Справа - капитан Сингер (в фуражке) и его водитель Хайатт (Hyatt) сразу после того, как они доставили генерала фон Тома в штаб 2-й Танковой Бригады.

5 ноября

Уэгнелл (Wagnell), капрал, Служебный Корпус*

Мы проезжали мимо разбитых машин и танков... Во многих местах убитые еще не были захоронены..., и однажды нам пришлось резко вильнуть, чтобы объехать пару трупов на дороге.

Уэгнелл и его товарищи наткнулись на большой склад немецкого снаряжения.

Люди всех званий собрались тут, чтобы найти что-то для себя. В немецком лагере, на пляже, было множество палаток, и там было видно, как поспешно противник оставил это место. Стояли накрытые столы, одежда и снаряжение было разбросано в великом беспорядке. Там были бутылки с вином и спиртным, бинокли и туалетные принадлежности. Мы видели и брошенный итальянский лагерь с большим количеством одежды и целыми бочками вина ... Некоторые из наших тут же надели новые башмаки, многие утащили с собой новенькие рубашки, белье и пр.

ПЛЕННЫЕ

2 ноября

Питер Льюис (Peter Lewis), капитан

Много воронок, множество убитых немцев и итальянцев. Мы приступили к сбору военнопленных, некоторые из них были оглушены и находились в истерическом состоянии. Они бродили поблизости и, к сожалению, некоторых из них убивали, поскольку иногда трудно было понять, собираются они сдаться или просто выбираются из окопов.

Однако Льюис остался под впечатлением от того, какие первоклассные солдаты им противостояли.

Один немец выбрался из окопа, как будто его запустили из чего-то, и он ринулся в мою сторону с пистолетом в руке... Другой парень дождался, пока мы не зайдем за линию, на которой он находился, а потом бросил в нас гранату на длинной ручке. Один из моих ребят вернулся и обнаружил, что тот мертв, - он бросил гранату, умирая...

3-4 ноября

Солдат 51-й Дивизии

В первые четверть часа два эскадрона [бронемашин] уничтожили сорок грузовиков... Потом, когда наши собственные машины стали вязнуть в песке, экипажи стали выгонять немцев и итальянцев из их машин и заставлять их ложиться в находившиеся поблизости окопы... У нас не было времени на пленных. У них просто отбирали оружие и говорили им маршировать на восток. Тех, кто отказывался, расстреливали. Мало кто отказывался...

Джервэйз Маркэм (Gervase Markham), 124-й Полк Полевой Артиллерии

Это был мой первый опыт продвижения по полю битвы, где разбитая армия оставила после себя все, что можно было бросить. Итальянские солдаты стояли и ждали, когда их возьмут в плен, потому что немцы забрали все транспортные средства и оставили итальянцев без еды, воды и машин заботиться о самих себе и молить о том, чтобы их увели под конвоем...

Хенри Бёрн (Henry Byrne), артиллерист 154-го Полка Полевой Артиллерии (Лестерширские Йомены/Leicestershire Yomenry)



На десятый день войска Оси были опрокинуты и был осуществлен наш прорыв. Мы преследовали противника, поддерживая огнем наступающих. Вскоре мы получили возможность впервые взглянуть на пленных. Австралийцы швыряли камни в группу итальянцев и орали им, чтобы они проваливались назад и сражались. Я счел это дурновкусием, хотя с виду все выглядело комично. Мы пошли дальше и на знаменитом участке Knightsbridge (здесь в июне 1942 года, всего за несколько месяцев до Эль-Аламейна, британцы оказали упорное сопротивление наступающим немцам в ходе окончившегося для первых разгромом [сражения на Линии Газала](#) - ВК) в плен были взяты тысячи суперменов Гитлера, растрепанных, грязных, сильно удрученных, и, по-видимому, голодных. Их конвоировала горстка шотландских пехотинцев. Это было то, чего мы ждали, - победа для Британии, в итоге, навалявшей представителям высшей расы.

У меня не было к ним ненависти. Мы остановились и стали смотреть, как эти люди проходят мимо. Я подумал о том, какими героями были эти парни, выдерживая все эти бомбардировки с суши, с моря и с воздуха в течение десяти дней. Я хотел бы быть уверенным в том, что смог бы оказаться таким же храбрым. На мгновение я представил себе, что это британцы и что я – один из них. Подумал о своей семье, и не без гордости скажу, что в глазах у меня появились слезы. Мне предстояло увидеть большее число нацистов в Италии...



Военнопленные. Эль Аламейн

4 ноября

Кит Даглас* (Keith Douglas, 1920-1944), лейтенант, Полк Ноттингемширских Йоменов/Nottinghamshire Yomenry Regiment, 8-я Танковая Бригада

«Вон они!» - неожиданно прокричал пехотинец. В нескольких ярдах слева от танка двое немецких солдат выбирались из окопа, застенчиво улыбаясь, словно их поймали в ходе игры в прятки. В их окопе лежал Шпандау/Spandau (собрательное название немецких ручных пулеметов, принятое у британцев – ВК). Я вздохнул с облегчением: пулеметным гнездом меньше. Но люди стали появляться вокруг нас всюду и везде.

Мы стояли посреди лабиринта окопов. Эван (Evan) опустил свой пулемет, Беса/Besa, сказал: «Дайте мне ваши пистолет, сэр» и прыгнул танка. Он начал быстро ходить по участку с криками «Вылезайте, выбирайтесь из окопов, ублюдки!» и т.д. Пехотный



офицер и я присоединились к нему и стали быстро перебежать от окопа к окопу. Я подобрал винтовку в одной из ячеек и стал угрожающе нацеливать ее [на немцев], потом, правда, обнаружил, что она была на предохранителе... Солдаты продолжали вырастать из-под земли, словно зубы дракона. Я попытался собрать их в колонну, указывая, что им делать, моей бесполезной винтовкой. Чтобы поторопить одного из них, я навел на него оружие, но он сжался в комок, припав к земле, словно щенок, которого ругали, очевидно, думая, что я собрался пристрелить его. Я сильно смутился и опустил винтовку, и он рванулся к своим товарищам, словно начался спортивный забег. Я начал кричать «Raus, raus!/Выходи, выходи!» в адрес тех, кто все еще сидел в

окопах, высунув из них головы в нерешительности: Эван напугал их, выпустив очередь из подобранного Шпандау...

Мы накидали на заднюю часть танка подобранные в кишках мухами окопах Шпандау, винтовки, бинокли Dienstglas и размером поменьше, британские консервированные рационы (трофеи, которыми часто снабжали немцев – ВК), и плоские круглые банки с немецким шоколадом...

[После расставания с пехотинцами и пленными] мы были шокированы тем, что пехотинцы стащили все немецкие бинокли, пока катались на нашем танке. Мы сгрузили большое количество пулеметов и винтовок, но оставили себе три пистолета Люгер/Luger (призовой трофей у союзников – ВК), - красивое оружие, правда, довольно деликатное для использования в песках. Еще мы набрали пищевых рационов, столовых

приборов, боевых наград и блях, ножей и т.п., которые потом поделили с товарищами. Большую часть рационов мы съели, запив несколькими пинтами кофе...

Заключение

Победила многонациональная 8-я Армия, в которую входили представители различных доминионов Великобритании и других стран. В ней были люди различных рас, в том числе, черные африканцы.

Петрус Дламини (Petrus Dlamini), сержант 1-й Южноафриканской Дивизии

Был слух – командование заговорило о том, чтобы дать нам оружие. Сначала нам дали винтовки, которые отобрали у итальянцев в Кении. Раздали, показали, как перезаряжать, с ними мы обучались. С ними мы попали под Эль Аламейн, и у нас их забрали, потому что они на что не годились, а нам дали винтовки Lee-Enfield .303. А потом 8-я Армия пошла вперед. Парни! Было жутко, убитые солдаты были тут и там, белые и черные, но немцы стали отступать, и мы преследовали их. Мы отбросили их. Говорят, мы прошли 300 миль... Немцы уже не вернулись. Они ушли вместе с итальянцами... На позициях нами командовали белые. Когда мы пошли в бой, все перемешались. Мы стали единым целым, мы сражались вместе: белые и черные солдаты.»

Монтгомери довольно быстро начал считать успех в этом сражении едва ли не исключительно своей заслугой. За два дня до приказа Роммеля отступить, он написал начальнику британского генштаба [Элану Бруку](#) (Alan Brook):

По-настоящему тяжелая и довольно кровопролитная битва к настоящему моменту продолжается уже восемь дней. Это был восхитительный бал... Я справился с удержанием инициативы на всем ее протяжении, и все это время Роммель был вынужден танцевать под мою музыку. Его контратаки и удары были остановлены без больших усилий и вовремя. Думаю, он созрел для действительно сильного удара, который может скинуть его с пьестала. Это произойдет сегодня ночью, и я бросаю на это все, чем располагаю... Если мы преуспеем, это будет концом армии Роммеля.

Он быстро стал национальным героем. Участник событий, офицер 7-й Танковой Бригады и будущий командующий ВС Великобритании [Майкл Карвер](#) (Michael Carver), позднее оценивал полководческие достижения Монтгомери в этом сражении более прохладно: «Это была битва на истощение ... Может, она и обошлась дорого, и не была овеяна романтикой [боем], но сделала всех уверенными в победе, а уверенность в победе в то время значила все. 8-я Армия располагала ресурсами, чтобы выстоять в такой битве, тогда как *Panzerarmee* их не имела, и Монтгомери обладал решимостью, силой воли и безжалостностью, чтобы довести ее до конца.» Возможно, он недооценивал тактическое мастерство Монтгомери...

10 ноября Черчилль в обращении к британцам сказал следующие слова, вспомнив одну из своих исторических фраз и произнес еще одну запомнившуюся: «Я никогда не обещал вам ничего, кроме крови, тяжелых трудов, слез и пота. Теперь, однако, мы приобрели новый опыт. У нас есть победа – замечательная и однозначная... Это – не конец, это даже не начало конца, но это, возможно, конец начала.»

Потери 8-й Армии в этом сражении составили около 13 500 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Среди них были 2 827 австралийцев, 2 388 новозеландцев и 2 459 солдат и офицеров 51-й Дивизии. Индийцы потеряли только убитыми около 800 человек. Эти люди, в основном, пехотинцы, вынесли на своих плечах основную тяжесть боев.

Генерал Фрейберг в своем докладе по результатам сражения писал: «... Значимость хорошо обученной пехоты, способной атаковать ночью с примкнутым штыком любые виды оборонительных позиций, была полностью подтвердилась.»



Слева – Бернард Фрейберг, справа – Лесли Морсхед

Монтгомери, в итоге, сказал следующее: «Битва за Египет была выиграна за счет высоких боевых качеств солдат Империи. Из всех этих солдат никто не проявил себя лучше, чем бойцы из Новой Зеландии.» Впрочем, уже 2 ноября он писал командиру 9-й Австралийской Дивизии генералу [Морсхеду](#) (Lesly Morshead, 1889-1959, на фото слева): «Ваши люди были абсолютно восхитительны, и та роль, которую они сыграли в этом сражении, была выше всякой похвалы.»

Примечания

*Кит Даглас – офицер и поэт, который погиб 9 июня 1944 года в первые дни вторжения в Нормандию, оставив книгу воспоминаний *Alamein to Zem Zem* (1946).

**RASC - Royal Army Service Corps - служба британской армии, отвечающая за транспорт, администрирование казарм, пожарную службу армии, штабные подразделения штаба, снабжение продовольствием, водой, топливом и бытовыми материалами

Источники

Jonatahan Dimbleby. *DESTINY in the DESERT. The Road to El Alamein – the Battle That Turned the Tide of World War II.* 2012

PURNELL'S HISTORY OF THE SECOND WORLD WAR. Vol.10.

(1) Francis de Giungand. *ALAMEIN: THE TIDE TURNS.* Western Desert, October/November 1942;

(2) George Greenfield. *THE FIGHTING AR EL ALAMEIN.*

IMAGES OF WAR. 1939-1945. The Real Story Of World War II. №18. *El Alamein.* June to November 1942.

Robert Kershaw. *Tank Men.* London, 2008

The Mammoth Book of HOW IT HAPPENED. WORLD WAR II. Edited by Jon Lewis, 2002.

https://en.wikipedia.org/wiki/Second_Battle_of_El_Alamein

https://www.krh.org.uk/uploads/4/5/0/9/45090939/20110914-10-hussars-von-thoma_1_pdf.pdf

<https://oldshirburnian.org.uk/obituaries/major-sir-richard-keane-6th-bt-h-22-27/>

<https://warfarehistorynetwork.com/2018/10/31/the-tide-turns-at-el-alamein/>

<https://www.salvationarmy.org.nz/article/heros-legacy-lives>

<https://warfarehistorynetwork.com/2016/12/05/ordeal-at-outpost-snipe-defiant-stand-at-el-alamein/>

<http://vacricket.com/2017/08/10/major-tom-bird-dso-mc/>

<https://mq.co.za/article/2017-03-14-memories-of-black-south-african-soldiers-who-bore-arms-and-fought-in-war-ii/>

<https://weaponsandwarfare.com/2018/09/28/el-alamein-and-the-pursuit-after-part-i/>

Перевод и компиляция – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org